

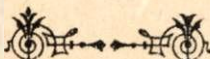
0,50

И. ЕМЕЛЯНЧЕНКО.

БЕЗДОМНЫЕ.

ОЧЕРКИ

(ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТРУЩОБАХЪ).

III

080-154

1919 Г.

БЕЗДОМНЫЕ.

Очерки.

1. НОЧЬ НА ГОПЪ.)

— Направо, чортъ безрогой, морда битая — направо!... Правѣй держи, дрожь зубовная!... Направо-же, тебѣ говорю, рвань ты бахромчатая!.... Вонъ двери-то; куда прешься! Завинтилъ глазами съ пошла горячаго и прямо на стѣну лѣзешь!

Дворникъ — крупный, самодовольный, одѣтый въ теплый тулупъ, съ доброй шанкой на головѣ и въ валенкахъ на ногахъ — стоитъ на скрипучихъ / ступенькахъ шокосившаго деревяннаго крыльца и презрительно и бранно руководить движеніями неясной человѣческой тѣни, только что шагнувшей съ крыльца чрезъ настежь открытыя двери въ длинный корридоръ..

Передъ крыльцомъ стоитъ тусклый фонарь; вокругъ него мечется рой бѣлыхъ мухъ; на ступенькахъ крыльца бѣлоснѣжный коверъ, а въ корридорѣ тьма и сырой холодъ. Движенія человѣческой тѣни гамъ очень неуверены, ее швыряетъ отъ одной стѣны къ другой, и тщетно она цѣпляется за нихъ, стараясь нащупать двери въ тепло. Тѣнь протестующе мычитъ что-то неясное, спотыкается о полѣно, зачѣмъ-то брошенное среди корридора, грузно падаетъ, мычитъ, дѣлаетъ бесплодныя попытки встать на ослабѣвшія ноги, снова дѣлаетъ бесплодныя по-

1) Гопъ — на воровскомъ жаргонѣ ночлежка.

пытки встать на ослабѣвшія ноги, снова падаетъ и, наконецъ, вытянувшись во всю длину успокаивается на березовомъ круглякѣ.

Дворникъ все это видитъ.

— Вишь, дьволь! Ну, и высыпайся, гдѣ улгся — не замерзнешь!

Дворникъ только что сытно поужиналъ, раздавил сороковецъ и чувствуетъ себя очень хорошо и твердо. Нѣсколько секундъ онъ стоитъ неподвижно, какъ статуя, полная равнодушія ко всему, и оглядываетъ широкій, темный дворъ. Гдѣ-то бьются сердитые кони.

— Абрамкинь жеребецъ опять драку заводитъ, загрызетъ мерина! — велухъ констатируетъ онъ и зычно кричитъ кому-то въ глубь двора: — эй, вы тамъ! Разоспались! Коней разведите: опять стали увѣчить другъ друга.

Затѣмъ онъ страхиваетъ съ себя снѣгъ и спускается съ крыльца надворъ въ калиткѣ. Она полукрывается, но придерживается прочной цѣпью. Новая, неясная человѣческая тѣнь мелкнула за ней, согнулась во три погибели, ныряетъ подъ цѣпь и попадаетъ прямо на дворника.

Эта тѣнь тоже одѣта въ рвань бахромчатую и съ постукиваніемъ въ зубахъ еле выговариваетъ:

— Мѣста есть?

— Мѣстовъ у насъ сколь хопъ: гопь-то у насъ, какъ резиновый — навались вашъ братъ сотнями — умѣстимъ... Давай-ка гривенникъ!

Онъ получаетъ два пятака, побрякиваетъ ими и продолжаетъ развивать свою мысль.

— Вотъ и сейчасъ стѣнки-то гопа аршина на три пораздвинулись, хе-хе-хе!

Однако, переязбнувшая человѣческая тѣнь не дослушиваетъ. Заплативъ деньги, она взбѣгаетъ на крылечко, потомъ въ корридоръ, тамъ спотыкается о пьяное тѣло, но, удержавшись на ногахъ, распахиваетъ дверь, ведущую на гопъ.

Полоса тусклаго свѣта падаетъ на лежащаго въ корридорѣ пьянаго, и новопришедшій его долго разглядываетъ. Отъ этого промедленія чрезъ открытую дверь холодъ врывается на гопъ такой острой струей, что оттуда начинается градомъ сыпаться:

— Какой шкетъ*) тамъ двери раскрылъ?

— Затворяй, иродь!....

— Лиговкой шель, да на снѣгу лѣто нашель?!
Гляди-ка: выкинемъ тебя самого на «дачу»!

Новопришедшій, встрѣченный такой энергичной словесностью, торопится войти и старается плотнѣй притянуть за собой двери. Въ видѣ извиненія онъ поясняетъ:

— Да тамъ Петька пьяный въ корридорѣ свалился и уснялъ, не втащить-ли его сюда все-таки?

— Втащи, пожалуй, а самъ на его мѣсто ложись: видишь, какъ здѣсь вольно и просторно!

саютъ книзу, отчего кажется, что куча тѣль на на-

1) Шкетъ — на жаргонѣ гопа бранное слово.

(*) Стр. 5.
Дѣйствительно, на голѣ очень вольно и просторно. На грязныхъ «скерахъ», т. е. нарахъ, навалены кучи тѣлъ. Многіе спятъ, улегшись на нарахъ только полутуловищемъ: ноги ихъ отъ ягодицъ свирахъ срывается на полъ, а этотъ полъ, грязный, на вершокъ покрытый землей, тоже, какъ ковромъ, засланъ спящими, при чемъ голова одного покоится на животѣ другого, а ноги этого другого, безцеремонно улеглись на грудь претъему. Зіяющія темной жутью пространства «подъ скерами» тоже завалены чѣмъ-то живымъ, стонущимъ и хрящущимъ.

А вдоль стѣнъ сидитъ на корточкахъ и курить чело-вѣкъ двадцать. Этимъ абсолютно уже негдѣ лечь и они обречены всю ночь курить и бодрствовать, и за это они заплатили по гривеннику «съ рыла». Но положеніе этихъ можно считать еще сноснымъ; риксованнѣй устроились другіе, ихъ трое, они примостились сидѣть на краешкахъ наръ и не могутъ шевельнуться, ибо подъ ними и вездѣ кругомъ разлеглись спящія тѣла: не только что ступить, плюнуть некуда.

Оглядѣвъ все это, новопришедшій теряетъ охоту продолжать защиту Петькиныхъ интересовъ и спѣшитъ усѣсться тоже на корточкахъ у холодной облупившейся печки. Оттуда для очистки совѣсти онъ бросаетъ въ пространство:

— Однако, кое-кому не мѣшало бы вспомнить, что онъ кое-когда изъ Петькина стакана водочку прихлебываетъ!

Это попадаетъ въ цѣль, и въ отвѣтъ, какъ взрывъ пороховаго погреба, глухо бухаетъ букетъ узорчатыхъ словъ:

— ... и ступай ты къ лѣшому и со своей и съ Петькиной водкой: безъ вкуса пилъ я ее и безъ вкуса впрядь вышью, и пошли вы оба къ медвѣдю на хвостъ! А Петька, ежели онъ до дверей гопа дойти не могъ, то пусть спитъ, гдѣ брякнулся — не замерзнетъ!.... И его водка мнѣ не въ укоръ: я ее по дѣлу пилъ; а тебѣ, молокососъ, я еще 55 на ухахъ напишу, — не въ свой орогодъ за капустой не хаживай!...

Новопришедшій «молокососъ» съ порядочной бородой равнодушно начинаетъ сворачивать папиросу. Онъ знаетъ, что на голѣ очень много грозныхъ словъ, но отъ нихъ до дѣла еще далеко.

— Дядя, а дядя!... Не хочешь ли папиросу?

«Молокососъ» поднимаетъ голову: съ печки къ нему свѣшивается дѣтская рученька съ папирсой.

Это Сережка, десятилѣтній мальчикъ-газетчикъ. Онъ торгуетъ «Копѣйкой», обходя дешевыя чайныя и трактирчики. Верхъ холодной печки — его постоянное ложе и квартира. Онъ сирота, и голъ считаетъ его какъ бы своимъ пріемышомъ, и только въ отношеніяхъ къ нему смягчаетъ жесткость царящаго на скерахъ и подъ скерами эгоизма.

— Разбогатѣлъ, клопъ? — спрашиваетъ «Молокососъ», принимая папиросу.

— Есть копѣйки!... — баситъ Сережка тономъ

взрослаго, подражая ухарю-грузчику, и самъ закури-
ваетъ. Онъ впервые курить и отъ папиросъ его му-
титъ. Онъ ихъ только что старался раздарить, но
штуки три все-таки осталось, и ихъ Сережка непре-
мѣнно хочетъ выкурить самъ, «чтобы научиться».
Сережка гордъ тѣмъ, что онъ самъ зарабатываетъ се-
бѣ хлѣбъ, одежду и кровь; поэтому онъ хочетъ во
всемъ походить на взрослыхъ съ гопа: онъ уже попи-
ваетъ пиво, но отъ водки еще морщится; краснорѣ-
чивымъ жаргономъ гопа Сережка владѣетъ въ совер-
шенствѣ.

Дѣла его идутъ недурно. Публика гопа, собира-
ясь къ обѣду по чайнымъ, дѣлаетъ ему большую ре-
кламу:

— Напъ сынокъ!....

И Сережка бойко торгуетъ. Тротуары его тоже не
обижаютъ, но тамъ Сережка ко всему еще ухитряет-
ся и «пристрѣлить». Завидѣвъ среди пушистаго мѣха
богатой шубы, благодушное лицо Сережка передъ
самымъ его носомъ взмахиваетъ «Копѣйкой» съ вы-
крикомъ:

— 60 градусовъ мороза въ Петербургѣ, всѣ печи
отъ страха потрескались, хозяйки и кухарки воюютъ.
въ государственную думу прошеніе на небо хотятъ
писать.... Купите газету, ваше почтеніе, на рубль но-
востей, газета «Копейка», а настоящая цѣна ей —
гривенникъ!

Онъ совершенно затораживаетъ дорогу шубѣ.

благодушное лицо среди мѣховъ богатаго воротника
еще благодушнѣй сіяетъ.

— Еще и трехъ градусовъ холоду не было, а вы
уже 60 насочинили, ну, давай, давай твою газетишку,
почитаемъ, какъ врите-то!... Деньги держи!...

Сережка, получивъ блестящій гривенникъ, съ
наивнымъ видомъ держитъ его на ладони и сокру-
шенно заявляетъ:

— У меня починъ, ваше почтеніе: нѣтъ ли у
васъ монетки помельче. Мнѣ всего копѣчку.
тыльчикъ!

— Есть монетка помельче! Вотъ держи — подза- ←

Шуба легонько толкаетъ Сережку, но тотъ —
не промахъ: онъ летитъ со всѣхъ ногъ на панель, раз-
сыпаетъ экземпляры «Копейки», и черезъ секунду
онъ и оторопѣвшая шуба — въ центрѣ грозно сгру-
дившейся уличной толпы. Сережка дипломатично
молчитъ и нарочито медленно собираетъ съ панели га-
зетные листки.

— Не хорошо, господинъ!... — слышится изъ
толпы.

— Да вѣдь я, братцы, шутя, чуть-чуть!...

— Отъ такихъ шутокъ, пожалуй, безъ головы
останешься!....

— Да вѣдь я гривенникъ далъ, онъ мнѣ, этотъ
мальченка, даже понравился: шустрый такой! И толк-

нуль я его легонько, любовно!.... Вѣдь правда, мальчишкѣ, я тебѣ вмѣсто копѣйки десять далъ?

Шуба, видимо, очень растрожена все растущей толпой и съ испуганной ласковостью заглядываетъ Сережѣ въ глаза. Но тотъ ихъ трети ладонями, а потомъ отряхиваетъ крошки грязнаго снѣга съ газетъ.

— Ну, говори: далъ я тебѣ десять копѣекъ?

— Да-а-а-али.... а потомъ толкнули: и гривенникъ я обронилъ, и газетки перепачкалъ!

Сережка, отвѣчая, не плачетъ, но въ голосѣ его слышатся нотки близкихъ слезъ. По этой части Сережка большой искусникъ: на гоупѣ онъ иногда показываетъ, какъ плачетъ мальчишкѣ, котораго только что высѣкли, или какъ хнычетъ о своемъ сиротствѣ беззубая баба, выпивъ сороковку.

Шуба понимаетъ, что дѣло «вязнеть»; она торопливо достаетъ двугривенный, суетъ его въ руку Сережкѣ и также торопливо пробирается на волю сквозь живую стѣну утримыхъ фигуръ, восторая:

— А все проклятые дворники виноваты: плохо панель оскрбаютъ... гололедъ!.... вѣдь чуть толкнулъ, а мальчишка со всѣхъ ногъ бухнулся!.... Еще хорошо, что носа не расквасилъ...

Шуба удалилас, а Сережка снова выкрикиваетъ:

— Копѣйку купуйте! На рубль новостей!..

Въ рукѣ у него 30 копѣекъ серебромъ, въ созна-

ннн пріятная мысль о томъ, что онъ сначала ловко «подстрѣлилъ шубу» на гривенникъ, а потомъ еще ловчѣе «опшманалъ» ее на двадцать копѣекъ. Особое торжество теплотой заливаетъ Сережкино сердце предвкушеніемъ того, какъ онъ вечеромъ на гоупѣ расскажетъ о своемъ подвигѣ съ высоты своего печнаго ложа. Сережка — типичный продуктъ петербургской улицы и петербургскихъ гоуповъ; онъ развитъ и развращенъ не по лѣтамъ, во многихъ отношеніяхъ грань между нимъ и взрослыми значительно ступшевана; еще два-три года и отъ нея слѣда не останется.

Сережкѣ негдѣ дѣйствовать, кромѣ столичной панели, какъ негдѣ ему ночевать, кромѣ грязнаго гопа.

Теперь Сережка на своей печкѣ накурился до настоящей тошноты. Ослабѣвшей рукой онъ протягиваетъ послѣднюю недокуренную папиросу внизъ къ «Молокососу».

— Вво-о-о-озьми, дяденька... а-а... мнѣ дай вво-о-о-одицы испи-и-ить!

«Молокосось» поднимается, беретъ папиросу и нацѣживаетъ ковшъ воды: кранъ и раковина тутъ-же, недалеко отъ печки.

Сережка жадно пьетъ и, напившись, чуть не роняетъ ковшъ; «Молокосось» едва успѣваетъ его подхватить, а мальчишкѣ почти въ обморокъ запрокидывается на спину на своей печкѣ. Ему очень худо: стѣны гопа валяются, потолокъ кружить, а печь колышется,

какъ лодка. Не приходя въ себя Сережка впадаетъ въ тяжелый дурманнй сонъ, и чудится ему, что большая дымящая папироса сама лѣзетъ ему въ ротъ мокрымъ мундштукомъ, и нельзя ее ни выплюнуть, ни оттолкнуть руками....

Голъ храпить на разные лады. Это первый сонъ самый крѣпкій и у большинства такой же дурманнй, какъ у Сережки: у иныхъ отъ водки, у другихъ отъ клокочущихъ въ груди бронхитовъ и плевритовъ, у третьихъ отъ переутомленія, у четвертыхъ оттого, что на груди и на животѣ устроились двѣ чужія головы да двѣ чужія ноги.

Тѣмъ не менѣе, властно затягивающее настроеніе сна царитъ на голѣ, и трудно бодрствующимъ на корточкахъ вдоль стѣны, но еще труднѣй тѣмъ, которые усѣлись на нарахъ. Мучительно борется съ дремой грузный рязанецъ; онъ сидитъ на самомъ уголкѣ наръ — «полукорпусомъ», свѣсивъ разутыя грязныя ноги. Его здоровое, красное лицо полно страданія, слипающіеся глаза блуждаютъ, а рыжая борода лопатой колышется то вверхъ, то внизъ.

Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ борьба со сномъ. Рязанецъ дѣлаетъ не человѣческое усиліе разогнать заливающую его мозги теплоту и мракъ, заволакивающій его глаза. Онъ азартно куритъ папиросу за папиросой, но эти приемы внутрь облаковъ густого махорочнаго дыма подбодряютъ лишь на моментъ, а затѣмъ еще больше дурманяютъ. Вотъ онъ опустилъ

папиросу и осоловѣло уставился глазами на закопченный язычекъ пламени въ лампѣ, свисающій съ потолка и бросающій кругомъ скорѣй мертвую желтоватую тѣнь, чѣмъ живой свѣтъ....

Долго глядитъ рязанецъ на этотъ противный грязный огонь, и наконецъ, голова его начинаетъ медленно-медленно падать. Вотъ и пальцы руки разжались и непотухшая папироса упала и застряла въ склокоченныхъ волосахъ какого-то спящаго на полу мужика.

Слышится запахъ паленаго волоса.... Рязанецъ встряхивается, руками поднимаетъ голову и снова глядитъ на лампу. Но не долго онъ глядитъ на нее: снова упала завѣса на глаза, и снова голова кренится; повисли руки, и даже весь торсъ осѣлъ; мышцы поясницы уже уснули; рязанецъ качнулся, на мигъ открылъ глаза, сдѣлалъ руками движеніе, какъ бы желая за что нибудь схватиться, удержаться, но онъ уже въ полной власти сна и, вновь опустивъ вѣки, уже сладко спитъ.... Недолгій сонъ: одна секунда.... Рязанецъ клонится больше и больше и, наконецъ, сорвавшись, тяжелымъ мѣшкомъ падаетъ на кого-то изъ лежащихъ на полу.

— Такъ! — слышится среди сидящихъ вдоль стѣны.

— Сейчасъ театр-иллюзіонъ начнется!....

И начинается....

Упавшій рязанецъ загудѣлъ кому-то въ грудь,

тотъ со стономъ рванулся въ одну, въ другую сторону, метнулся всѣми членами. Эти движенія мгновенно передались всей кучѣ тѣлъ, авлявшихся на полу. Полусонные люди толкали другъ о друга, бились о столбики скеръ; съ минуту эта судорога сводила и развела массу спящихъ на полу въ полномъ молчаніи; наконецъ зазвучало:

- Да что такое?...
- Въ чемъ дѣло?...
- Ноги уברי... напелъ имъ мѣсто!...
- Я тебѣ не матраць!!
- Слышь, въ рыло заѣду — отодвигайся!...
- Свой кулаки имѣю: куда двигаться—укажи!..

Серьезнѣй всего обстоитъ дѣло между рязанцемъ и пострадавшимъ мужикомъ.

Мужикъ въ страшной ярости, онъ уже успѣлъ сбросить съ себя рязанца, и тотъ сконфужено сталъ у наръ. Мужикъ тяжело дышетъ и пока можетъ только хрипло выбрасывать:

— Я тебя обучу..... Я тя образую.... Чуть грудь не проломилъ мнѣ дубовой башкой.... погоди!... Дай отдышаться только....

Рязанецъ извиняется:

— Братецъ милый, ну, прости: не виновать я. ужъ третью ночь не сплю, крѣпился, пока сонъ, какъ молотомъ, по башкѣ не ударилъ!.... Прости, ради Бога!.....

— Лѣшій! Третью ночь не спишь!? Я одна шесть ночей не спалъ, а на добрыхъ людей не падалъ.... Вотъ погоди: я тя прощу: кулакомъ по уху!

— Такъ, такъ, дядя Савель, разогрѣй ему затылокъ! — звучитъ сердито со стороны откуда-то.

Рязанецъ обращается ко всѣмъ безпокоеннымъ:

— Простите, товарищи: во какъ крѣпился, курить, пока въ глазахъ потемнѣло....

— Ладно! Вотъ мы зажгемъ тебѣ подъ глазами ликтричество, въ другой разъ, сидя на мѣстѣ, не будешь спотыкаетсяя.

Не скоро успокоилась эта буря. Но вотъ начали вспыхивать папирасы, и просто ругань переходитъ въ бесѣду уснащаемую сквернословіемъ.

— Три ночи не спалъ!? Велико дѣло! Я за этотъ мѣсяцъ въ первый разъ тѣло протянулъ и первый разъ сонъ настоящій увидѣлъ: приснилось, будто въ деревню приѣхаль и на теплую печь съ бабой спать улегся... а тутъ какъ разъ этотъ чертовъ пенъ съ корешковъ своихъ сорвался и всѣхъ разбудоражилъ.

— И тебя съ бабой разлучилъ?... Обидно!....

— А какъ же необходимо?

— Я и говорю: теплая печь да теплая баба по нашей жизни хоть во снѣ и то дорого стоитъ.....

Это бесѣдуютъ подъ скерами невидимые ночлежники. Рязанецъ подъ шумокъ успѣваетъ пробраться

къ печкѣ, устраивается тамъ на карточки и, снова от-
давшись дѣятельному дымоспусканію, виноватымъ
голосомъ поясняетъ «Молокососу»:

— Главно: лампа эта проклятая, какъ погляжу
на нее — такъ и поведетъ глаза колесомъ, хотя паль-
цами ихъ выправляй... Пялишь ихъ, пялишь, хочешь
дрему прогнать — глядишь стѣна передъ тобой дро-
гнула и поплыла—поплыла куда-то.... И ты—за ней!
Такъ и нырнулъ.....

Однако «Молокосось» поглаживаетъ свою боро-
ду неодобрительно.

— А ты зачѣмъ, что орелъ на суку, разсѣлся на
краешкѣ «скеръ?».... Орломъ разсѣлся, а свалился
мерзлой вороной! Еще счастье твое, что подъ кулаки
не попалъ: народъ со сна звѣря лютѣй!

Разговоры долго еще не смолкаютъ, но желаю-
щихъ поспать, конечно, не мало. Нѣкоторое время
они терпѣливо ворочаются съ боку на бокъ на жест-
комъ ложѣ и стараются заснуть, несмотря на шумъ.
Но это не возможно. Тогда они начинаютъ поруги-
ваться сначала потихоньку, потомъ громче.

Это никого не трогаетъ.

— Вернись къ маменькѣ въ люльку, тамъ вы-
спишься!....

— А то пойдѣ и займи номеръ въ Сѣверной. Это
—близко: тамъ лакея съ 6 вечера и до полудня въ

дуфляхъ по корридорамъ шмыгаютъ, шопоткомъ раз-
говариваютъ! Баронамъ, вродѣ тебя, какъ разъ туда
надо, ты переулкомъ ошибся!...

Тѣмъ не менѣе ночь свое беретъ: мало по малу
все стихаетъ, и гошъ снова спитъ, храпитъ и стонетъ.
Однако, все это не надолго. Есть Петька. Онъ выспалъ
излишекъ хмѣля и начинаетъ чувствовать адскій хо-
лодь, ежится среди темнаго корридора и, наконецъ,
просыпается: члены его одеревенѣли, онъ видитъ по-
лоску свѣта подъ дверями гоша и, съ трудомъ подняв-
шись на ноги, инстинктивно туда устремляются. Войдя
онъ не забываетъ прихлопнуть дверь, но — странное
дѣло — переходъ отъ холода въ относительное тепло
вызываетъ у него страшный припадокъ кашля. Петь-
кино лицо наливается кровью, все тѣло его вздрагива-
етъ, онъ кашляетъ такъ, будто хочетъ выплюнуть на-
ружу свои легкія.

Его кашель заразителенъ. Вотъ кто-то закаш-
лялъ на нарахъ. Немедленно-же изъ подъ наръ донес-
ся тоже злой надрывистый кашель, а черезъ пять ми-
нуть уже весь гошъ кашляетъ, кашляетъ ужасно, оглу-
шительно.... Это не гошъ, а скорѣй больничная палата.

— Концертъ чахотки! — бормочетъ «Молоко-
сось». Онъ было забылся въ полуснѣ и его разбудили.

Кашель длится долго, люди корчатся въ какихъ-
то конвульсіяхъ и производятъ впечатлѣніе задыхаю-
щихся. Да они и задыхаются на самомъ дѣлѣ: на го-
шѣ нѣтъ воздуха; есть какая-то влажная зловонная
густота, которой дышать нельзя.

Кашель, мгновенно охватившій гопь, стихаетъ не сразу, а постепенно: сначала на нарахъ, потомъ на полу, наконецъ подъ скерами... Снова гопь храпитъ и стонетъ, но тише, чѣмъ раньше: припадки кашля обезсилили всѣхъ....

Не кашлялъ одинъ Сережка, но онъ и не просыпался. Петька, когда все успокоилось и позаснуло, съ отчаянной рѣшимостью пьянаго взобрался на нары и улегся тамъ: свои ноги онъ положилъ на ноги одного, а туловище и голову на ноги и животъ другого. Онъ улегся поперекъ и уснулъ, не теряя ни минуты на лишнія изображенія.

Однако, его разбудили очень скоро. Одинъ съ его «подлежащихъ» вдругъ почувствовалъ надъ собой какую то особенную теплоту—онъ схватился съ мѣста и вмигъ сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Здоровый ударъ кулакомъ въ бокъ наполовину разбудилъ Петьку, и онъ слышитъ:

— Ты что это, скоть, дѣлаешь, нализался безъ мѣры и совѣсти да....

Слѣдуетъ второй ударъ, еще крѣпче, и Петька просыпается на три четверти сознанія.

— Ммъ! — издаетъ онъ и снова хочетъ улечься.

Но просыпается второй «подлежащій», и Петька долженъ съестъ: звонкая оплеуха кладетъ его на край наръ, а затѣмъ четыре руки швыряютъ его къ

дверямъ и, стукнувшись объ нихъ головой и раскрывъ ихъ такимъ образомъ, несчастный вылетаетъ въ коридоръ, гдѣ и успокаивается, имѣя все тотъ же резиновый круглякъ, но на этотъ разъ подъ головой вродѣ подушки.

Ночь на гопь заканчивается: въ окнахъ маячитъ уже какая-то неясная синева, слышится гдѣ-то натянутая нервная зѣвота невыспавшагося человѣка.

Просыпается старый безрукій сѣдобородый нищій, по кличкѣ «Москва». Онъ присаживается, отчаянно чешется, потомъ снимаетъ съ себя всѣ доспѣхи, т. е. одинъ «ватный» пиджакъ, потомъ другой. Оба съ огромными прорѣхами и изодраны въ клочья, но прорѣхи ихъ самымъ счастливымъ образомъ не совпадаютъ, и въ цѣломъ оба достаточно грѣютъ старое тѣло «Москвы».

Снявши пиджаки, онъ не останавливается и сбрасываетъ съ себя и грязную почти черную рубашку, обнажая волосатую грудь, и кровь изодранную ногтями отъ постоянныхъ почесываній.

«Москва» вовсе не собирается ремонтировать свое расползающееся бѣлье, онъ начинаетъ ревизовать «живой инвентарь» свой сорочки; дѣлаетъ это онъ съ блескомъ бѣшнества въ старческихъ глазахъ, прищелтывая сквозь стиснутые зыбы:

— Про-кля-ты-я!

— У-у-у-у-у!...

— Во-о-отъ-же те-бѣ, вотъ!

«Живой инвентарь», это настоящая казнь египетская гопа. Можно видѣть тамъ сильныхъ нервами, желѣзно-выносливыхъ людей, которые улегшись на нары, зубами скрегощутъ и бѣгаютъ въ баню черезъ три дня на четвертый, чтобы въ парильнѣ высоко, подъ самый горячій парь, повѣсить свое зараженное паразитами бѣлье.

Но это мало чему помогаетъ, ибо стоитъ лечь на секры, или подъ секры, или на полъ посреди гопа, какъ поверхность вашего тѣла начинаютъ заселять колоніи противныхъ насѣкомыхъ.

Пишущій видѣлъ человѣка, который сбѣжалъ съ гопа и ночевалъ (въ сентябрѣ) въ большихъ водопроводныхъ трубахъ, лежавшихъ на мостовой, гдѣ должны были вести новую магистральную вѣтвь.

— Холодно? — спрашивали его.

— Холодно до точки замерзанія, но... не вшиво!
Его вошь выжила съ гопа.

Представьте себѣ теперь ту степень физической усталы, при которой можно уснуть и спать на гопахъ. Безъ этой чрезмѣрной натруженности можно уснуть въ царствѣ виши, лишь имѣя по сороковкѣ водки въ головѣ и въ желудкѣ.

Немудрено, что на гопахъ только пьяные и полупьяные крѣпко спятъ. Понятно, почему здѣсь публика рано поднимается. Еще въ окнахъ и свѣта нѣтъ, а уже все задвигалось, даже Сережка спускается съ

печки и протираетъ мутныя глаза. Въ головѣ у него жжестъ, а «нечисть», какъ опнемъ, жжетъ тѣло, и мальчикъ, какъ всѣ кругомъ, немилосердно чешется, его руки утонули за пазухой.

Позднѣй всѣхъ просышается Мишка-воръ. Онъ достаетъ откуда-то изъ изголовья непечатую сороковку водки. Онъ ее высоко поднимаетъ кверху, встряхиваетъ, стараясь, чтобы водка заиграла. Она играетъ, какъ веселыя слезы, искрится соблазнительно, а Мишка-воръ выкрикиваетъ.

— Тридцать за полбутылку! отзывайся охочій, а то сейчасъ самъ выпью!...

— Пей! — слѣдуетъ угрюмый отвѣтъ: — а мы подождемъ.....

Мишка-воръ азартно вышибаетъ пробку, она вылетаетъ, какъ пуля изъ пулемета.

— Откупорилъ! Отзывайся, отцы и дѣти, пока не поздно: пятиалтынный — чашка!... А то... ..

— Глотай самъ, да не поперхнись!.....

Мишка-воръ наливаетъ тогда въ щербатую чашку немного водки и манитъ къ себѣ пальцемъ Сережку; тотъ, пошатываясь, подходитъ.

— Чаво?

— Накось, выпей, а то ты, какъ съ похмѣлья — накурился вчера..... Говорилъ я тебѣ: для почалу купи безъ затыжки.... нѣтъ!... «Хочу съ затыжкой!» Вотъ тебѣ и затыжка!... Тани эту каплю, да не мажь во рту, а лей прямо въ горло.

Серезка сомнительно глядитъ на водку и колеблется. Онъ уже пробоваль это кушанье — не понравилось.

— Да она мнѣ не идетъ....—заявляетъ онъ нерѣшительно.

— Пей, пей, Сереза: ежели голова болить—поправка будетъ!—поддерживаетъ кто-то со стороны.

Серезка беретъ чашку и старается валить ея содержимое прямо въ горло: для этого онъ смѣшно запрокидываетъ голову. Тѣмъ не менѣ Мишкинъ «шпріемъ» удался: водка выпита, и Серезка не закашлялся.

Затѣмъ пьеть самъ Мишка, пьеть прямо изъ горла посуды, пьеть, не торопясь, будто прислушиваясь къ бульканью водки.

На него глядятъ съ завистью, въ особенности тѣ, которые просидѣли ночь на корточкахъ. Ихъ тѣло ноетъ, а голова полна тяжелой, какъ они говорятъ, «недоваренной кашей».

Синева въ окнахъ дѣлается свѣтлѣй. Разсвѣтъ съ трудомъ, но рѣжетъ своими лучами петербургскую мглу. Идетъ день, но на гошъ его встрѣчаютъ безъ радости. Для большинства это день работы или день безцѣльнаго хожденія по набережнымъ каналовъ или томительнаго сидѣнія по чайнымъ «въ пустую», сидѣнья голоднаго, безъ возможности спросить даже на пяточекъ чаю.....

Идетъ день, отъ оконъ на гошъ пользуютъ голубоватыя пятна: лица начинаютъ казаться мертвенными, зеленоватыми, выраженіе ихъ вялое, утомленное: нѣкоторые, вѣдь, вовсе не спали, и почти никто не вы-

пался....

— Когда-то, братцы, мы поснимъ въ настоящую? — спрашиваетъ, ставъ среди гопа, высокій парень, стискивая голову обѣими руками.....

— ... Въ могилѣ... — отвѣчаетъ какой-то мрачный бась.

Среди этой угрюмости весело глядитъ одинъ Серезка: капля водки поправила его. Но она его и погубила: Серезка будущій алкоголикъ, ибо онъ повѣрилъ въ лѣкарственность спирта....

II. ПРОФЕССОРА ГОПА.

Въ сумеркахъ, испещренныхъ ярко освѣщенными окнами магазиновъ и огнями фонарей, сѣются съ темнаго неба мелкія-мелкія блески дождя; настоящихъ капель нѣтъ, но воздухъ насыщенъ влагой, распыленной до безконечности работой невидимаго гигантскаго пульверизатора....

По кузнечному съ многочисленными бумажными кулками въ рукахъ важно шествуетъ какая-то статная фигура. Она гордо держитъ на головѣ фуражку съ краснымъ околышемъ. Теплая бурка эффектно развѣваетъ свои полы. Фигура обладаетъ пышными сѣдыми бакенбардами, и они загнули свои пушистые концы назадъ отъ быстрого движенія своего обладателя. Кто онъ? Встрѣчные спѣшатъ дать ему дорогу, и господинъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и въ буркѣ принимаетъ эти знаки почтенія, какъ нѣчто должное. Давая въ свою очередь дорогу встрѣчнымъ дамамъ, онъ неизмѣнно приговариваетъ:

— S'il vous plait...

За нимъ уже давно семенить озябшая рваная тынь и, наконецъ, нагнавъ, окликаетъ:

— Г. полковникъ! На минуточку!

— А, это ты? Ну, въ чемъ дѣло?

Разговоръ завязывается и продолжается на ходу.

— Нѣтъ ли у васъ гривенника, г. полковникъ?

Мнѣ за гошъ заплатить... завтра я стану на пилку хлама строительнаго на Лиговѣ и, отдамъ вамъ съ процентомъ..... Пожалуйста, г. полковникъ, выручьте!.....

Останавливаются оба. Полковникъ говоритъ вѣско:

— Гривенникъ у меня, положимъ, есть! Но что ты за мямля, что гривенника на гошъ за цѣлый день достать не могъ, чортъ тебя подери?!

— Да какъ же его достать, не работавши?...

— Настрѣляй!... Вѣдь я стрѣляю, а ты чѣмъ меня лучше?

— Мы не привыкли!....

— Привыкай, дьяволь тебѣ въ зубы, и я былъ не привыкли, но приучилъ себя....

— Да и не умѣю я....

— Поучись!!... Вотъ мелочная. Заходи, сними шапку и скажи: «извините, хозяинъ почтенный, двѣ ночи на ногахъ и безъ хлѣба, а завтра на работу порядился, помогите, чѣмъ можете, на ночлегъ, а то во все силъ нѣтъ, будьте милостивы, Богъ васъ не оставитъ!...» Повтори!....

— Да какъ же это?... — мнется мужикъ.

— Ду-ракъ! Такъ просто, какъ я сказалъ. Запомнилъ?

— Да, запомнилъ...

— Ну, входи!... Если ничего не дастъ — я плачу за твой топъ, дастъ мало—доплачиваю!... Маршъ!

И полковникъ толкаетъ деревенскаго человѣка къ дверямъ мелочной, а самъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ чрезъ стекла.

Вотъ онъ нетерпѣливо повернулся на мѣстѣ и быстро вошелъ тоже въ лавченку. У прилавка хозяинъ мужикъ холоднаго вида, а посреди лавки съ непокрытой головой стоитъ ученикъ полковника — новокрепленный стрѣлокъ.

— Пачку фунтовую бисквитовъ Мари Блигкень и Робинсонъ! — барски командуетъ полковникъ.

Лавочникъ поспѣшно исполняетъ приказаніе, заворачиваетъ бисквиты, а полковникъ мурлычитъ какой-то мотивъ и, вдругъ будто сейчасъ только замѣтилъ рваную фигуру, кивая на нее головой, рѣзко спрашиваетъ у лавочника:

— «На хлѣбъ» просить?

— Нѣтъ — на ночлегъ....

— Гоните этихъ попрошайекъ! Мужичье сиволапое! Канальи, мерзавцы!! Побросали свое деревенское дѣло, запрудили столицу, ищутъ легкой работы, на всѣхъ углахъ торчатъ: тому дай на ночлегъ, тому на хлѣбъ, тому, чортъ его знаетъ — на что.... Прравославное, честное крестьянство! Подумаешь: сволочь и больше ничего! Гоните въ шею!....

Онъ платитъ. Лавочникъ принимаетъ деньги съ вытянутымъ лицомъ: онъ самъ крестьянинъ и тоже прошелъ въ столицѣ нелегкую школу, поэтому онъ молча и сухо сдаетъ сдачу съ рубля.

— Гони его въ шею, прохвоста!.. — повернувшись на каблукахъ, въ послѣдній разъ кидаетъ черезъ плечо полковникъ.

— Это ужъ наше-съ дѣло, господинъ хорошій, вы намъ не указчикъ! Слава Богу, свое понятіе имѣемъ: люди не собаки, чтобы ихъ гнать!—сурово, наставительно говоритъ лавочникъ и роется въ выручкѣ: онъ сильно задѣтъ въ своемъ мужицкомъ достоинствѣ.

Полковникъ присвистываетъ и хлопаетъ дверью. Онъ уходитъ, но идетъ не далеко, черезъ домъ останавливается. Ему не долго приходится ждать, и пяти минутъ не проходитъ, какъ къ нему подбѣгаетъ его бородатый и рваный «ученикъ».

— Ну? — коротко спрашиваетъ полковникъ.

— Спасибо вамъ, большое спасибо!...—запыхавшись, выговариваетъ тотъ: — выручили, вѣдь идолю этотъ, было, на-отрѣзъ отказаль.

— Это я черезъ окно видѣлъ по его мордѣ, поэтому и поспѣшилъ на подмогу тебѣ, ну, а потомъ?..

— Спа-си-бо!... Онъ уже сказалъ мнѣ: «иди съ Богомъ, милый, васъ тутъ столяръ шатается, что на всѣхъ не напасешься!» А тутъ какъ разъ вы вошли и какъ ловко его подожгли! Ахъ, какъ ловко зацѣпили и вывернули подкладкой наверхъ!... Вѣдь, когда вы ушли, онъ мнѣ двадцать копѣекъ отсыпаль, да на три копѣйки пирога съ капустой отрѣзаль.... Не просто, а отрѣзаль и, свѣсивши, подалъ съ деньгами: «на, говорить, землякъ, поужинай и ночуй въ теплѣ!.. Пусть, говорятъ, всякіе красные околыши надъ нашимъ братомъ-мужицкомъ не издѣваются, я самъ — мужикъ и мужицкое понимаю!... Ха-ха-ха! Онъ по-

нялъ, когда вы его вразумили, чортъ брюхатый! Спаси-бо, полковникъ!....

— То-то! Дуралей! А ты упирался: не привыкши да не умѣю! Конечно, какъ и всякое дѣло, стрѣльба сноровки и соображеній требуетъ, а, главное, нужно понять ихъ—благотворительствующихъ людишекъ. Прежде, чѣмъ за карманъ — ихъ надо за сердце ловить. Ну, да я ихъ изучилъ; пять лѣтъ стрѣляю и безъ промаховъ: глазомѣръ, оцѣнка психологической диспозиціи, прямой натискъ съ фронта — если выдерживаетъ, тогда можно съ обходомъ, ударомъ въ тылъ... Привыкай и ты помаленьку!:...

— Да ужъ сейчасъ я....

— Дальше больше поймешь! Итальянку ломать*) глупо: десять копѣекъ въ Питерѣ на гопп достать, это вечеромъ полквартала пройти!

— Нѣтъ, ужъ итальянку больше ломать не стану. Вы на гопп идете, полковникъ?

— На гопп! Шествуемъ вмѣстѣ!

Они пошли впередъ, оборванный человекъ старается держаться нѣсколько позади. Полковникъ даже разсердился:

— Да иди ты рядомъ! Твой видъ меня не стѣсняетъ, сейчасъ я не на стрѣльбѣ. Вотъ возьми-ка эти кулечки да помоги мнѣ ихъ потащить.... Сегодня у меня день вышелъ изъ удачныхъ удачный!

Такимъ образомъ, на гопп среди чернорабочей рвани можно видѣть и фуражки съ красными околышами, теплыя бурки, котелки и мягкія недешевыя

1) Итальянку ломать — на жаргонѣ гопп значить провести ночь на ногахъ, гуляя по улицамъ.

шляпы. Все это — стрѣлки. Наканунѣ они рассылаютъ просительныя письма «по номерамъ», т. е. по адресамъ богатыхъ лицъ, частно благотворительствующихъ. На завтра они обходятъ швейцарскія и полу-чаютъ въ запечатанныхъ конвертахъ «результаты».

Эта беззастѣнчивая эксплуатація довѣрчивыхъ, добрыхъ людей имѣетъ планомѣрно организованный видъ, и гопъ—бюро этой эксплуатаціи.

Стрѣлки «высокаго полета» и ихъ свита изъ болѣе мелкихъ, съ примыкающими къ нимъ воронами и разными уличными аферистами, являются аристократіей гопы. Она немногочисленна, но среди чернорабочей рвани занимаетъ командующее положеніе: никто и никогда не покусится занять тотъ уголь наръ, который является штабъ-квартирой этой компаніи. Этотъ уголь всегда веселье, всегда съ водкой и ѣдой, часто изысканной. На окнѣ надъ этимъ угломъ стоитъ чернильница съ перомъ и лежитъ пачка конвертовъ и почтовой бумаги. Въ этомъ только углу крѣпко спать, ибо въ отсутствіе публики дворникъ опшариваетъ нары этого угла кипяткомъ изъ чайника: онъ имѣетъ свою часть въ доходахъ теплой артели и потому относится къ членамъ ея съ отгѣнкомъ уваженія. Полковнику онъ первый снимаетъ шалку, а это съ его стороны большое вниманіе, ибо для многихъ на гопѣ онъ самъ—«г. Дворникъ!» не иначе....

Полковникъ, прійдя на гопъ, начинаетъ располагать на «своемъ мѣстѣ» на нарахъ принесенные кульки и свертки. Тамъ все есть: пирожки отъ Филиппова, ветчина, сосиски и даже коробка омаровъ. Бутылка водки занимаетъ центръ. Полковникъ «сервируетъ»

своей столъ, не спѣша. Въ каждомъ его движеніи сквозитъ привычка и умѣнье хорошо покушать.

Когда онъ, наконецъ, усаживается и начинаетъ ѣсть и пить, онъ имѣетъ очень любопытный видъ. Сначала онъ берется за водку и за ѣду, какъ подобаетъ «приличному» человѣку, не торопясь, какъ бы нехотя. Выпивъ, онъ даже не знаетъ, чѣмъ ему закутить, онъ водитъ рукой по воздуху, какъ бы выбирая, затѣмъ лѣниво двумя пальцами ухватываетъ ломтикъ ветчины и дѣлаетъ гримасу:

— Нѣтъ теперь хорошей ветчины въ Петербургѣ... А лѣтъ двадцать назадъ, на Невскомъ....

Слѣдуетъ апштеитное описаніе ветчины, которую двадцать лѣтъ назадъ ѣлъ полковникъ. Бракуются современные пирожки, сосиски, омары. Все оказывается о много хуже того, что ѣлъ полковникъ когда-то. Все бракуется, но поѣдается, и чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей жадностью.

Подъ конецъ, по мѣрѣ уменьшенія водки въ бутылкѣ, полковникъ уже не ѣстъ, а пожираетъ, какъ акула, все, что передъ нимъ... Лишнее говорить, что полковникъ никого не угощаетъ, онъ—«солистъ»; тѣмъ не менѣе его окружаетъ толпа: тамъ и стрѣлки-мелкота, а воръ Мишка, и кое-кто изъ чернорабочихъ. Получается впечатлѣніе, что насыщающійся полковникъ для всѣхъ удивительно пріятное зрѣлище....

— Ну, что на Сергіевской? — наконецъ, спрашиваетъ Мишка, присаживаясь на нары и овладѣвая кусочкомъ недоѣденной сосиски: онъ видитъ, что полковникъ уже насытился и даже зажмуриль глаза.

При вопросѣ Мишки глаза полковника открыва-

ются, онъ жуесть съ минуту губами, потомъ оживляется:

— На Сергѣевской?... Вхожу, конечно, къ швейцару: «Нѣтъ-ли, милый, чего либо на имя полковника N»?... «Есть—получите!». Большой конвертъ, полный. Выхожу и думаю: не менѣе тройка. Только что хотѣлъ отойти и вскрыть конвертъ — къ поѣзду подкатила коляска, а въ ней гвардейскій офицеръ и дамочка: этакая миниатюрная съ ридикюлемъ въ ручкѣ. Я остановился, будто меня вдохновеніемъ осѣнило, пропустилъ соскочившаго офицера, онъ исчезъ въ подъездѣ, а дамочка осталась въ коляскѣ....

Полковникъ переводить духъ и съ торжествомъ оглядываетъ слушателей, жадно ему внимающихъ.

— Ну? — торошить какой-то стрѣлокъ.

— Да-а!... Она— въ коляскѣ!.. Съ легкимъ поклономъ, шагомъ привычнаго танцора прихожу я къ ней, будто собираюсь ее пригласить на туръ валса по тротуару и, возможно тихо, но проникновенно начинаю: *Madame! Je vous demande milles pardons, mais je suis dans une positien....* Вѣрите? — она такъ и шарахнулась отъ меня, а когда сообразила— дрожащей рукой стала поспѣшно рыться въ ридикюль, что-то достала, что-то мнѣ передала, я зажалъ въ рукѣ и съ глубокимъ поклономъ удалился.... Я не глядѣлъ на полученную монету, но зналъ, всѣми нервами чувствовалъ, что это....

Новая пауза и всеобщая тишина.

— что это большой рыжій....

Опять пауза, но болѣе длительная, чѣмъ предыдущая. Затѣмъ новая выпитая рюмка водки, жадное

жеванье остатковъ омара и, наконецъ, внушительное и басистое:

— Такъ, конечно, оно и оказалось!...

Мишка прищелкиваетъ языкомъ:

— Вотъ это выстрѣлъ! Это безъ промеха!... Ай да полковникъ... онъ не полковникъ, а подлинный король стрѣлковъ!...

— Ну, а въ конвертъ что-же?—полюбопытствовалъ какой-то сѣрый стрѣлокъ изъ тѣхъ, которые зигзагами проходятъ какую нибудь Глазовскую. Перебѣгая съ одного тротуара на другой, не пропуская на пути ни одной мелочной, фруктовой, зеленой и булочной и вездѣ механически повторяющихъ одну и ту же фразу: «безработному на ночлегъ копѣечку».

— Что въ конвертъ?! Еще не глядѣлъ. Пустяки, вѣроятно! — Полковникъ небрежно вскрываетъ конвертъ и небрежно достаетъ изъ него трехрублевку.

— Тройка!... — тихо и глубоко вздохнула толпа рвани.

— Трой-ка! — какимъ то сладостраснымъ эхомъ отозвалось во всѣхъ углахъ.

— Вотъ, это— стрѣльба!

Полковникъ польщенъ и чувствуетъ припадокъ щедрости.

— Ну, Мишка, — говоритъ онъ, — бѣги по поводу этого случайнаго случая еще за бутылкой, такъ и быть угощу кое-кого изъ порядочныхъ людей... На закуску? Чего бы взять на закуску? Надо бы чего поделикатнѣй!

И полковникъ при этомъ погружается въ глубокое размышленіе, и Мишка-воръ стоитъ передъ нимъ

въ подобострастной позѣ, не спускаетъ съ него глазъ и ждетъ приказаній.

Эту позу и его выраженіе лица Мишка и ему подобные принимаютъ мгновенно и мгновенно же ее мѣняютъ на лихое и безпечно наглое, обычно имъ присущее. Сбѣгавъ за водкой и за закуской, выпивъ и поѣвъ съ полковникомъ, Мишка уже стоитъ на на-рахъ и, широко развернувъ почти новый и хорошій пиджакъ, выкрикиваетъ:

— Два съ полтиной! Ни копѣйки меньше, а кто больше?

На голѣ не рѣдки такіе аукціоны.

— Это твой собственный, Мишка?

— Теперь собственный!...

— Стало быть, хорошо кинулъ удочку въ чужую будочку!..

Мишка бросаетъ въ сторону говорящаго фразу на воровскомъ жаргонѣ, и нескромные вопросы стихаютъ. Торгъ возобновляется.

— Я даю два! — Кричитъ кто-то.

— Два съ полтиной: ни копѣйки меньше! Отцы и дѣти, откликайтесь!....

Однако, вконецъ концовъ, онъ отдаетъ пиджакъ за два рубля, ибо отцы и дѣти не откликаются.

Послѣ аукціона Мишка немедленно же исчезаетъ. Ему нужно поймать моментъ закрытія ренсковыхъ, тамъ онъ явится послѣднимъ покупателемъ, нагрузится сороковками, нагрузить ими и свою шмару (подругу-проститутку), а затѣмъ оба пойдутъ въ видѣ ходячей полночной виноторговли вдоль по Лиговкѣ, торгуя водкой направо и налево.

Мишка и его шмара очень ловко ведутъ свои дѣла. Съ постовыми городовыми они «въ дружбѣ», и Мишка, снова явившись на голѣ часамъ къ двумъ, веселый и пьяный въ дребезги, долго повѣствуетъ о томъ, на какомъ углу стоитъ городской — «порядочный человѣкъ», а на какомъ «шкетъ».

Онъ повѣствуетъ, а его слушаютъ все не спящіе, т. е. сидящіе вдоль стѣнъ на корточкахъ. Сдѣлавъ оцѣнку столичной полиціи и ея отношенія къ разнымъ уголовнымъ ремесламъ, Мишка начинаетъ откровенничать о своихъ собственныхъ воровскихъ подвигахъ. Говоритъ онъ съ воодушевленіемъ.

— Такъ, вотъ, отцы и дѣти, иду я по Литейному ч, конечно, озираюсь: какихъ-никакихъ дѣловъ не сматриваю. Успѣлъ уже чрезъ два кармана пройти, та безъ большой прибыли, т. е. въ одномъ окошкѣ сигары выудилъ, а въ другомъ мокрый отъ насморка носовой платокъ....

— До-бы-ча!!!.... — вставляетъ кто-то.

— Да, не добыча, а огорчительная гадость, отцы и дѣти! Одно разочарованіе и судьбы насмѣшка — больше ничего! Въ желудкѣ-же такъ и ходитъ! рррр.... ррра-а... ррру-а! Тощакъ! Пустота! Скука и холодъ невѣроятные!... Вдругъ, вижу: предо мной вприпрыжку какой-то цыпленокъ въ алой шапочкѣ, въ бордовой шубеечкѣ впередъ устремился. Тутъ меня будто кто-то подъ локоть толкнулъ (въ нашемъ дѣлѣ не безъ наитія, отцы и дѣти): впередъ, Мишка!

Нагналъ я цыпленочка въ минуту и оглядѣлъ: трогательная капелька, отъ горшка три вершка, лилипутъ хорошенькій! Дѣвочка! а въ рукахъ у нея маленькій кошелекъ! «Не спѣшите, говорю, такъ, маленькая барышня, можете споткнуться и упасть, а главное: мамынины деньги растеряете!» Капелька съ начала поглядѣла на меня косо, недоувѣрчиво, но вѣдь голосъ у меня ласковый, а взглядъ бархатный — успокоилась и въ разговоры вступила. «Нѣтъ, говорить, не упаду я, а деньги эти не мамыны, а мои собственные!»

«Двадцать копѣчекъ или меньше?» спрашиваю. Уфъ, какъ обидѣлась, даже покраснѣла. «Нѣтъ, не двадцать копѣчекъ, а маленький золотой. Сегодня день роженія мамы и я бѣгу купить подарокъ для нея!» «Маленькій золотой?! Отродясь не видѣлъ, большіе видѣлъ, а маленькихъ никогда: можно посмотрѣть: какой онъ?...» «Глядите!» говоритъ и протягиваетъ мнѣ свой маленький кошелечекъ. Я взялъ, разглядываю его: «чудный кошелечекъ, это вапъ собственный? прекрасная вещичка!... А вотъ и вапъ маленький золотой! Вапа правда, маленькая барышня: вапъ золотой совѣмъ крошка, но онъ прохорошенькій и совершенно новенькій, вонъ какъ блеститъ! Ну, вотъ я его кладу назадъ въ кошелекъ — видите?»

Положилъ и щелкнулъ замочкомъ: «получите кошелечекъ, очень вамъ благодаренъ, а теперь бѣгите за подаркомъ для вашей доброй мамы!» Снялъ пачку, раскланялся и поворотилъ назадъ. Барышня же побѣжала вприпрыжку впередъ.... Ея золотой, конечно, остался у меня межъ пальцами.....

— Ловко опманаль! — одобрилъ кто-то, ибо и это прослушали всѣ неспящіе.

Однако Мишка не принялъ этого одобренія.

— Не очень то ловко; барышню эту мнѣ и до сей поры жалко: дитя невинное! А пришлось ее ~~бы~~ ^{оби} — дѣть, но что было дѣлать: тощакъ, въ брюхѣ ррррь... ррра-а ррру-а!! Скучка и холодъ — невѣроятные.

— Пустое! Что за жалости! Тебя-то самого когда жалѣли. А? она, эта барышня твоя, поплакала, поплакала и новый золотой отъ мамы получила. Ты вспомни то: бѣгаль ли ты когда съ золотымъ въ рукѣ да въ бордовой пубейкѣ за подарками для мамы? — гудѣлъ изъ-подъ скеръ чей-то мрачный басъ, какъ изъ преисподней.

— Нѣ-еть! Я и мамыны своей никогда не зналъ, и мамыны не знаю. Я изъ воспитательнаго: сынъ г. С.-Петербурга, только и всего.

Отвѣтъ Мишки прозвучалъ уныло: на этомъ его настроеніе, видимо, сломалось. Онъ вытащилъ пачку фальшивыхъ бирокъ — паспортовъ и началъ разъяснять преимущество фальшиваго удостовѣренія личности передъ настоящимъ съ точки зрѣнія уголовныхъ ремеслъ. Эти бирки, помахивая ими въ воздухѣ, онъ предлагалъ желающимъ купить:..

— Печати и подписи.... комаръ носу не подточить!.....

Желающих нѣтъ, и Мишка кончаетъ тѣмъ, что прячетъ ихъ, начинаетъ почему-то плакать и сквозь слезы и со слезами въ голосѣ поетъ:

«Пускай моги-и-ила меня нака-ажеть!» Уставъ вконецъ, онъ ложится и засыпаетъ рядомъ съ полковникомъ. Вообще, оба они, будто сознавая свою профессорскую роль на гошѣ, держатся всегда очень близко другъ къ другу.

Мишка нескрываетъ своей основной профессіи, но, тѣмъ не менѣе, гошъ его уважаетъ, почти любитъ. Въ папиросѣ Мишка никому не откажетъ, случается, что онъ покупаетъ сотку и на 3 коп. пирога съ капустой голодному чернорабочему. иногда онъ оплатитъ и гошъ двумъ-тремъ человѣкамъ.

— Мишка—блажной, но онъ славный парень! — такъ о немъ говорятъ самые шепетильные на счетъ собственности люди на гошѣ.

— У Мишки острья черты лица среди скудной сѣрой растительности. Сѣрые глаза, грязно-сѣрый костюмъ и такая же джонка на головѣ. На улицѣ, подъ сѣрымъ небомъ, подъ дождемъ Мишка почти невидимъ: своей сѣростью онъ, какъ мокрица, сливается и со стѣнами домовъ и съ цвѣтомъ грязной панели.

Чернорабочая масса, соприкасаясь, такимъ образомъ, на гошѣ вплотную со стрѣлками всякихъ ранговъ, съ ворами и уличнымъ столичнымъ жульемъ,

прежде всего отъ нихъ беретъ слова. Весь гошъ говорить однимъ языкомъ, уснащеннымъ условными терминами воровскихъ и мошенническихъ шаекъ.

Обычно, рядомъ съ полковникомъ и съ Мишкой устраивается на нарахъ ихъ пріятель — тоже воръ — Сидорка. Но сейчасъ его тамъ нѣтъ, онъ спитъ на полу среди гопа и всемъ тѣломъ прикикъ къ спящему и въ дребезги пьяному грузчику. Сидорка нѣжно обнялъ свего грузнаго сосѣда и на первый взглядъ обоихъ пушками не разбудишь.

Однако, сидящіе вдоль стѣнъ на корточкахъ, дымя папиросами, почему-то очень внимательно слѣдятъ за почивающими въ братскихъ объятыхъ. И дѣйствительно, при внимательномъ наблюденіи можно замѣтить, что правая рука Сидорки медленно, но систематически перемѣщается по тѣлу грузчика: передвинется и замретъ. Вотъ она уже подъ плоой ииджака, а вотъ снова наверху и поползла къ поясу.

— Сидорка Кузьму «обмываетъ»! — не удерживается и шопотомъ заявляетъ одинъ изъ бодрствующихъ.

Его же шопотомъ-же обрываютъ сосѣди:

— А ты молчи! Тебѣ есть до этого дѣло?

На гошѣ царствуетъ безусловное обязательство гробового молчанія относительно многихъ вещей: видѣль, невидѣль, а вообще ничего не знаю! Это своего рода принципъ, и онъ проникаетъ гошъ насквозь, ибо «праздный разговоръ о дѣлахъ, которыя тебя не каса-

ются, все равно, что засыпка*)».

Такимъ образомъ, Сидорка при полномъ равнодушіи гопа додѣлываетъ свое дѣло. «Обмывъ», какъ слѣдуетъ, грузчика, онъ начинаетъ потихоньку отодвигаться, скрывается подъ скерами, а потомъ необъяснимымъ путемъ оказывается мирно спящимъ на нарахъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ рядомъ съ Мишкой.

Бодрствующіе у стѣнъ сидятъ и курятъ: полковникъ имъ показывалъ, какія бываютъ вкусныя вещи на свѣтѣ, и какъ ихъ ѣдятъ, Мишка вору прочелъ имъ цѣлую лекцію относительно нѣкоторыхъ способовъ добычи средствъ для покупки этихъ вещей, а Сидорка въ дополненіе его лекцій, демонстрировалъ приемъ самый близкій и возможный на гоппъ—такой, который каждый можетъ испробовать хоть завтра.

Сидятъ бодрствующіе у стѣны гопа и молча дымятъ. Лица ихъ угрюмы, взгляды сосредоточены. Какая-то большая работа совершается въ ихъ сознаніи. Они видятъ въ окнахъ гопа первую синеву рождающагося дня, имъ ~~перешит~~ пережится тяжелая работа по выгрузкѣ дровъ на каналахъ, и въ то-же время что-то ихъ подхватываетъ и уноситъ куда-то — какая-то смутная надежда....

Гоппъ начинаетъ шевелиться. Грузчикъ Кузьма тоже просыпается, потягивается, громко зѣваетъ. За-

*) Засыпка—предательство.

тѣмъ шаритъ въ карманахъ: въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ и — блѣднѣетъ, какъ стѣна. Весь остатокъ денегъ отъ вчерашней попойки исчезъ.

Онъ поднимается во весь ростъ, потрясаетъ кулаками въ воздухъ, и какъ смертельно раненый звѣрь, реветъ:

— Лиходѣи!... Грабители!... Три пятьдесятъ оставалось! а теперь ни копыя — каково?... Не гоппъ — а грабилонка; скажите: кто ночью лежалъ рядомъ со мной?.....

Ему отвѣчаютъ хохотомъ.

— Хо—хо—хо!... Ты въ баню собирался, теперь не надо: тебѣ не надо, лучшимъ мыломъ обмыли! А лежалъ ты около многихъ—перекатывался. Мы думали, что ты самъ весь гоппъ перемыть хочешь....

Кузьма топочетъ ногами и отчаянно швыряетъ шапку о полъ. Онъ готовъ броситься на всѣхъ и всѣхъ передупить. Но изъ подъ скеръ доносится тотъ же мрачный басъ, что ночью вразумлялъ Мишку насчетъ жалости:

— Не подымай голоса, Кузьма! Самъ виноватъ, одиннадцатую заповѣдь забылъ, а она пишетъ: «не зѣвай»!... Убавъ крика: на гоппъ вѣдь ты!...

Это прозвучало настолько авторительно и внушительно, что Кузьма сразу осѣлъ. Онъ поднялъ съ полу фуражку, встряхнулъ и въ полной апатіи опустилъ

на нары—усѣлся. Голосъ, осадившій его, принадлежалъ загадочному субъекту, почти не вылъзавшему изъ подъ скеръ, а только иногда пускавшему оттуда такіе раскаты баса, что имъ и Шаляпинъ могъ бы позавидовать. Загадочный субъектъ былъ пришельцемъ съ юга, кажется — изъ Харькова, и оттуда онъ принесъ свое здѣсь, на гошъ, для многихъ загадочное имя — Вій. Его имя, для всѣхъ непонятное, и его страшный видъ внушали многимъ нѣчто вродѣ суевѣрнаго почтенія.

— ... Чортъ, настоящій дьяволъ!....

Когда Кузьма успокоился, къ нему торопится Сидорка съ хорошо разыграннымъ «искреннимъ» участіемъ.

— Да, ты не пропилъ ли свои деньги, дядя Кузьма?

— Нѣтъ-же!.. Считай: было шесть!—начинай по пальцамъ выкладывать «обмытый»:—былошесть — ладно!... Рубль двадцать мы оставили въ Любимѣ: я, Петька и Филька.... — Рубль двадцать!—отмѣчаетъ Сидорка. — Потомъ брали двѣ сороковки въ ренсковомъ и закуска: 48 и 12, всего шесть гривенъ, а всего рубль восемьдесятъ, такъ? — Рубль восемьдесятъ, правильно: ариметику знаешь! — Потомъ оиять бутылка, закуска и гошъ, всего на всего съ прежними два рубля пятьдесятъ, такъ?

— Такъ. Съ шести должно остаться три пятьдесятъ, хоть къ Коковцеву на провѣрку: не найдешь ошибки!!

Сидорка большой охотникъ до газетъ, слѣдить за политикой и считаетъ себя «съ правой стороны лѣвымъ». Нѣкоторое время онъ молча смотритъ на Кузьму, какъ-бы рѣшая вопросъ: куда же это могли дѣться три съ половиной? Потомъ начинаетъ:

— Странное дѣло! Здѣсь, Кузьма, у тебя никто взять не могъ, вѣдь свои тебя не тронуть!

— Свои-то не тронуть!—сокрушенно соглашается Кузьма.

— Чужой не рискнетъ! — Чужой не рискнетъ! — это вѣрно! — еще сокрушеннѣй подтакиваетъ онъ.

— Ты карманы-то свои огляди: нѣтъ-ли въ нихъ дырки!..

Кузьма начинаетъ ревизію кармановъ и, дѣйствительно, находитъ въ одномъ дыру.

— Ска-а-ажи! Скажи на милость, а? Вишь!—изумляется Кузьма, высунувъ изъ дырки кармана три пальца и всѣмъ ихъ показывая.

— То-то, голова еловая, прежде, чѣмъ крикъ кричать—дырку поищи. Деньги-то у тебя какіе были? Круглыя? Ну, стало быть, они, какъ на резиновыхъ шинкахъ, поѣхали на Старо-Невскій кататься.... Эхъ, не рубли вамъ давать, а телѣжныя колеса и то растеряете!

Сидорка «съ искреннимъ» возмущеніемъ хочетъ отойти прочь, но Кузьма его удерживаетъ за плечо и говоритъ вполголоса:

— Слышь, Сидоръ, нѣтъ-ли у тебя на полбутылку, а?...

Сидорка отрицаетъ движеніемъ головы.

— Ей Богу, вечеромъ отдамъ....

— Не божись—вѣрю! Только денегъ нѣтъ у меня: вчера совсѣмъ дѣловъ не было, и самъ я у Мишки на гошъ гривенника занялъ. Онъ снова хочетъ идти, но Кузьма его не выпускаетъ.

— Спроси у Мишки, ей Богу, спроси: голова какъ дубовая!

Сидорка задумывается и вслухъ размышляетъ.

— У Мишки?!... Деньги у него есть, онъ вечеръ на Лиговкѣ хорошо расторговался. Только дать ли онъ? — Тебѣ дать, ей Богу—дать!—страстно лепечетъ Кузьма и почти дрожить, волнуясь:

— Пойди, спроси... а я твоей службы не забуду!..

— Знаю я, какъ вы помните добро: кто на меня въ субботу замахивался, шею скрутить сулился? Небось не ты, а твоего дяди племянникъ? А? Вспомнилъ?

Кузьма больно сжимаетъ руку Сидорки повыше локтя. Его трясетъ какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, брось, прости... по пьянкѣ вѣдь было—забуди! Спроси у Мишки на полбутылку—во какъ отблагодарю!

Сидорка крѣпко ругается, сплевываетъ.

— Ну, пусти—попытаю....

Онъ идетъ къ Мишкѣ и горячо его въ чемъ-то убѣждаетъ. Мишка трясетъ головой, но подъ конецъ

сдается. Кузьма слѣдитъ за переговорами сначала съ тоской, но вотъ его взглядъ оживился, и онъ потираетъ руки. Сидорка возвращается и держитъ рубль на ладони. Для оцѣнки способностей этого человѣка нужно сказать, что рубль онъ дѣйствительно взялъ у Мишки, занялъ, имѣя у себя 3 р. 50 к., вытасченныхъ вчера у Кузьмы. Сидорка — воръ утонченныхъ приемовъ. Въ совершенствѣ разыгранная имъ комедія всѣхъ свидѣтелей его ночныхъ манипуляцій надъ карманами Кузьмы приводитъ въ полный восторгъ, но они даже не переглядываются, сурово молчатъ и стараются держаться поближе къ «сценѣ».

Появляется бутылка, потомъ другая. Опохмѣлившійся и уже снова пьяный Кузьма цѣлуетъ и обнимаетъ Сидорку, а тотъ ему въ самое ухо повторяетъ:

— Помни, ты мнѣ долженъ полтора рубля вечеромъ отдать, рубль съ четвертью процентовъ я Мишкѣ обязанъ, а четвертакъ мнѣ за хлопоты.

— Ладно, милокъ, я тебѣ два рубля отдамъ, ты меня во какъ вызволилъ!... А деньги у меня есть: еще двѣнадцать рублей за конторой, вечеромъ получу.

— А ты всѣхъ не бери!—товарищески совѣтуетъ Сидорка.

— Ты возьми рублей шесть, два мнѣ отдашь, а четыре тебѣ хватить напиться хоть до царствія небеснаго!.....

Говоря, онъ остатками водки потчуетъ кое-кого

изъ близъ стоящихъ и сурово молчащихъ. Они выни-
ваютъ и корятъ Кузьму за то, что онъ растерялъ день-
ги. При этомъ никто изъ нихъ не позволитъ себѣ бро-
сить даже взгляда въ сторону Сидорки: молъ, мы то
видѣли и знаемъ, какъ дѣло было. Онъ и безъ взгля-
довъ это понимаетъ.

Читатель видитъ, какъ деморализація подходитъ
къ чернорабочему. Можно съ увѣренностью сказать,
что съ легкой руки полковника его ученикъ начнетъ
отнынѣ «привыкать». Сначала онъ будетъ пострѣли-
вать только вечерами безработныхъ дней, а потомъ
додумается и до того,, что не худо пострѣлять, даже
имѣя поденщину въ карманѣ.

Затѣмъ онъ совсѣмъ броситъ работать, ибо свой
трудъ, какъ сверхсильный, онъ глубоко ненавидитъ.
Сдѣлавшись записнымъ стрѣлкомъ, онъ не побрезгу-
етъ «обмыть» своего бывшего товарища по работѣ,
имѣющаго въ карманѣ, какъ результатъ особой уда-
чи—два-три рубля. А дальше пойдутъ экскурсіи бо-
лѣе сложныя, уже не въ одиночку предпринятыя, а

въ теплой компаніи, среди которой можно будетъ
встрѣтить и тѣхъ, которые пили изъ рукъ Сидорки
цѣну своей на вѣки проданной «деревенской» со-
вѣсти.

Итакъ, гопъ не только ночлежка, это еще—при-
готовительное отдѣленіе тюрьмы, этой высшей школы
уголовныхъ знаній и умѣній.

Отдѣльность случаевъ, которыми пришлось здѣсь
иллюстрировать общія положенія, никого не должна
вводить въ заблужденіе: бралось отдѣльное, но типи-
ческое.

Было уже сказано, что весь гопъ говорить тер-
минами воровъ, значительная часть гопа вполне про-
никнута ихъ этикой и такая же значительная часть
пострѣливаетъ въ неработные дни, а часть этой части
пострѣливаетъ и въ работные для увеличенія своей
наличности.

На гопѣ мало философствуютъ. Житейская
суть для обитателей гопа совершенно обнаружена.
Они ее видятъ глазами, щупаютъ руками и чувству-
ютъ подошвами ногъ.... Вотъ эта суть: все противъ
всѣхъ и каждого, каждый противъ каждого и противъ
всѣхъ. Поэтому, отстаивай себя до «последняго каш-
ля», отстаивай, соотвѣтственно своей морали, или

всегда сверхсильной работой, или «стрѣльбой», или преступленіемъ.....

Индивидуализмъ верховъ нашей собственности, имѣеть такимъ образомъ свое отраженіе на низахъ, отраженіе рѣзкое, лишенное всякой художественной орнаментаціи, но за то болѣе понятное и опредѣленное.

И. Емельяченко.

1893